

Полевые исследования гендерных аспектов трудовой миграции: этические и методологические вызовы

Целью данной работы является обобщение опыта полевых исследований широкого спектра гендерных аспектов трудовой миграции с точки зрения методологических, этических и психологических вызовов и ограничений, стоящих перед исследователями в работе с трудовыми мигрантами как категорией информантов, обладающей собственной групповой идентичностью и рядом специфических характеристик.

Ключевые слова: украинская трудовая миграция, полевые исследования, методологические и этические вызовы, метод ОБС

Алиса Толстокурова

кандидат филологических наук
доцент, независимый научный эксперт (Киев)
alictel@yahoo.com

Введение

«Одна баба сказала» — так определил метод сбора социологической информации посредством интервью один из информантов данного проекта. Беседа с ним состоялась, когда я возвращалась в Киев с полевого исследования в Херсонской области, где проводилось полевое исследование для проекта по гендерным аспектам украинской трудовой миграции. В поезде я оказалась в одном купе с тремя общительными вольтинскими бизнесменами, осуществлявшими турне по Украине по делам фирмы. В ходе непринужденной беседы выяснилось, что один из них в прошлом не раз ездил на заработки в Польшу и другие страны ЕС. Пользуясь словоохотливостью попутчика, я решила взять у него интервью, благо времени для этого было достаточно. На мой вопрос, не будет ли он возражать, если я задам ему несколько вопросов для моего проекта, сосед с готовностью согласился, предварительно поинтересовавшись темой исследования и методами его проведения. Я объяснила, что собираю информацию методом интервью, на что собеседник ответил:

— А-а-а! Знаем такой метод сбора информации! Хороший метод. Мы им тоже активно пользуемся. Только у нас он иначе называется: метод ОБС.

— ОБС? Интересно! Никогда не слыхала о таком. А что это значит?

— ОБС означает «одна баба сказала» (Николай, 51 год, Херсон-Киев).

Этот эпизод общения с потенциальным респондентом, который перед проведением интервью не только поставил вопрос о параданых¹ проводимого исследования, но и оценил их в весьма иронической манере, высвечивает сразу две актуальные проблемы в современной украинской миграциологии. Во-первых, это проблема критериев надежности и достоверности данных полевых исследований, полученных методом интервьюирования. Во-вторых, это редко затрагиваемая в научной литературе проблема этических, эмоциональных и психологических вызовов, встающих перед исследователем до, после и во время общения с информантами. Очевидно, что, несмотря на неразработанность этих вопросов, они оказывают существенное влияние на исследовательский процесс и заслуживают особого внимания. Это объясняется, прежде всего, тем, что ответы на них полезны для оценки надежности полученных результатов, поскольку выполняют роль лакмусовой бумаги, позволяющей высветить субъективизм в исследовательской позиции исполнителя полевой работы. Кроме того, они демонстрируют, что за фасадом научной объективности и позиционируемой нейтральности исследователя может скрываться

субъективный подход, существенно влияющий на процесс сбора эмпирического материала и результаты исследования. Он известен как «эффект Розенталя» или «эффект Пигмалиона». Безусловно, исполнитель полевой работы несет ответственность за объективное изложение полученных данных, т.е. за преподнесение того, «как это происходит в действительности», а не того, как их видит и воспринимает исследователь. Признание этого факта не ставит под сомнение качество и научную ценность получаемых эмпирических данных, а напротив, позволяет рассматривать продукт полевого исследования с точки зрения его контекстуальных особенностей. В то же время, не менее важно пост-фактум учитывать и оценивать то, как указанные этические и эмоциональные вызовы могут влиять на результаты эмпирического исследования, в какой степени они могут обуславливать научную позицию исследователя в сложных и неоднозначных условиях полевой работы.

Целью данной работы является обобщение опыта полевых исследований широкого спектра гендерных аспектов украинской трудовой миграции с точки зрения методологических, этических и психологических вызовов и ограничений, стоящих перед исследователями в работе с трудовыми мигрантами как категорией информантов, обладающей собственной групповой идентичностью и рядом специфических характеристик, определяемых в том числе гендерным фактором.

Массовый выезд украинского населения на работу за рубеж является одним из значимых маркеров социально-демографических изменений постсоветского периода. В украинском языке это явление получило определение «заробитчанства», воспринимаемого обществом как экзистенциальная культура эпохи рыночных реформ. Параллельно этому процессу началось формирование самостоятельного исследовательского поля, направленного на изучение специфики постсоветской экономической мобильности украинского населения. Однако, говорить об отечественной школе миграционных исследований еще рано. Это обусловлено целым комплексом объективных и субъективных причин, но прежде всего отсутствием заинтересованности со стороны государства в развитии миграционной тематики и формировании собственного академического поля для её изучения. Этим объясняется недостаточная разработанность теоретической, концептуальной и методологической основ для изучения этой новой области знаний, требующей мульти-, меж- и транс-дисциплинарных подходов к объекту исследования. Поэтому актуальной научной задачей сегодня является разработка теоретико-методологической базы для анализа феномена современной украинской трудовой миграции с учетом аналитических подходов и принципов «социальной на-

¹ Под параданными этнографического исследования понимаются данные о самом процессе сбора эмпирической информации, как правило - данные административного, технического характера, например, о времени, месте и длительности интервью, способах и методах сбора информации, степени готовности и открытости информантов к общению и т.д. [Corbin, Strauss 2008].

уки, изучающей процесс движения» и существующих «методов мобильности» [см. Vuher, Urty 2009: 100-101], проведение и аккумуляция опыта эмпирических исследований в этой области знаний, необходимых для выработки и апробации новых концепций, методик и инструментариев, позволяющих отразить суть исследуемого явления.

В зарубежных социальных науках для изучения специфики миграционного процесса, особенно его гендерных аспектов, рекомендуется использовать наряду с количественными методами, «мягкие», интерпретативные, «качественные» методы сбора, обработки и анализа информации [см. Donato et al. 2006]. Они позволяют «более гибкий и динамичный подход к индивидууму изнутри миграционного процесса» [Phizacklea 2003: 29]. Однако среди отечественных исследователей эта инновационная и перспективная методология еще не получила распространения, хотя она опирается на диалоговый подход, позволяющий наиболее полно оценить точку зрения мигрантов и избежать «постмодернистского логоцентризма» [Моррисон 2013: 93]. По признанию В. Воронкова, это объясняется тем, что качественные методы социологического анализа все еще воспринимаются абсолютным большинством постсоветских социологов как «ненаучные» или даже как «журнализм» [Воронков 2004]. Поэтому применение этой методологии представляет собой научную лакуну, наличие которой неоднократно подчеркивалось в глубинных интервью с украинскими экспертами. Для ее заполнения требуется более пристальное внимание к анализу мнений и оценок самих участников миграционного процесса как уникальному и зачастую единственно возможному способу изучения жизненного опыта мигрантов, их восприятий и идентичностей [DeRoche 1996], а также мощному аналитическому инструменту для исследования перемещающихся лиц [Sánchez-Carretero 2005]. В этом контексте приобретает актуальность задача обобщения опыта полевых исследований в данной области, поскольку это может помочь предотвратить некоторые практические сложности полевой работы, неизбежно возникающие перед миграциологами, особенно начинающими. Проведенное полевое исследование позволило выделить ряд методологических и этических вызовов и объективных ограничений, которые осложнили сбор эмпирического материала, но в то же время стимулировали дальнейший поиск инновационных способов сбора и обработки информации, полученной от данной категории респондентов.

Эмпирическая база исследования. Основой для обобщения опыта полевого исследования послужили результаты трансдисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Полевая работа охватила следующие этапы: *включенное* и *невключенное* наблюдение проводилось на протяжении 2003–2013 гг. благодаря участию автора в деятельности общественных организаций украинских мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия). *Глубинные интервью* и *дискуссия в фокус-группе с экспертами* были организованы летом 2008 г. в рамках проекта «Работа по уходу и интернационализация социального благосостояния. Транснациональные сценарии для социального благосостояния будущего». На этом этапе были опрошены 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т.д. *Полуформализованные интервью* и обсуждения в двух *фокус-группах* с мигрантами и членами их семей (общей численностью 31 женщины и 13 мужчин) были проведены на протяжении 2007–2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и

во Львове. 13 интервью были собраны в 2011–2012 гг. в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции) в ходе реализации проекта «Поколения в диалоге» австрийского фонда ЭРСТЕ. Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, нынешних «заробитчан», как находящихся за рубежом, так и приехавших в Украину навестить родных. Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и интернет-программе skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке и были переведены автором².

Обсуждение практического опыта полевого исследования

«Сензитивные субъекты» анализа

Как показывает опыт общения с мигрантами, основным вызовом в работе с ними является то, что исследователь сталкивается с необходимостью работать с нарративами т.н. «сензитивных субъектов», т.е. респондентов, для которых предоставление информации сторонним лицам может быть связано со щекотливыми вопросами анонимности персональных данных или нарушения конфиденциальности информации о значимых для них людях. К ним можно отнести респондентов, находящихся в положении зависимости от других людей, обстоятельств, социальных иерархий. В данном исследовании, нацеленном на изучение гендерных аспектов трудовой миграции в Украине³, респонденты квалифицировались как «сензитивные субъекты», поскольку многие из них представляют собой категорию нелегальных трудовых мигрантов, не имеющих официального разрешения на работу в принимающем государстве.

Проблема идентификации и самоидентификации объекта исследования

В работе с трудовыми мигрантами проблему может составлять идентификация объекта исследования, т.е. то, кого именно следует включать в целевую группу проекта. Здесь важную роль играют роль субъективные факторы идентификации и самоидентификации с миграционным процессом. Это может быть особенно затруднительно в отношении женщин. Например, правомерно ли относить к категории трудовых мигрантов женщин, которые выезжают за границу вслед за мужьями и в принимающей стране не трудоустраиваются, но занимаются домашним хозяйством или работают периодически, от случая к случаю? Кроме того, повышение экономического статуса благодаря зарубежным заработкам является для женщин-мигранток важным фактором интеграции в принимающее сообщество и на продвинутом этапе миграционного цикла, особенно в условиях успешной интеграции, они могут отказываться от самоидентификации в терминах трудовой миграции. Так, в ходе полевого исследования мы обратились с просьбой об интервью к украинке, проживающей в Италии, но получили отказ. Женщина объяснила это тем, что работая в Италии, она вышла замуж за итальянца и сменила положение заробитчанки на социальный статус работодателя. Хотя ей было чем поделиться с интервьюером, она не желала ассоциировать себя с украинскими заробитчанами:

«Да, я сюда приехала как домработница, «badante» это называется. Но теперь у меня здесь есть и муж, и семья, и я теперь сама нанимаю себе домработницу. Я уже «сеньора», а не ваш клиент.» (Наталья, 36 лет, домохозяйка, Милан, Италия).

Нежелание заробитчанок идентифицировать себя в этом

² Подробнее о методологии и результатах проекта см. Толстокурова 2012; 2013 а,б; 2014; Tolstokorova 2009; 2010; 2013].

³ Здесь и далее предлог употребляется в соответствии с украинской языковой нормой.

качестве вполне объяснимо, т.к. уже сам «ярлык мигранта» [Абашиш 2014: 80] предполагает их «стратификационную инаковость» [Лан 2006: 16] и уязвимость социального положения. Как указывают исследователи украинской миграции, женщины считают свой статус и условия жизни, в которых они оказываются за рубежом, унижительными для себя и пытаются дистанцироваться от них [Свайнет 2011]. Это может происходить также на постмиграционном этапе миграционного цикла, когда представители среднего класса, лишённые соответствующего уровня доходов в силу тяжелой экономической ситуации в стране, вынуждены поддерживать свой социальный статус кратковременными заработками на низкостатусной работе за рубежом. По понятным причинам они могут отказываться идентифицировать себя как «заробитчан» и не желают предавать этот факт огласке. В данном исследовании мне приходилось получать отказы на просьбы об интервью от потенциальных информантов, рекомендованных их коллегами по методу «снежного кома», поскольку они отказывались ассоциировать себя с целевой группой исследования и воспринимали сам факт отнесения их к ней как неэтичный.

Проблемы исследовательской этики: анонимность и конфиденциальность полученной информации, социальная «закрытость» и труднодоступность респондентов

На проблему «закрытости» и нежелания обсуждать некоторые биографические факты с незнакомыми людьми, особенно свойственную женщинам, указывали эксперты в интервью и коллеги-миграционологи в личном общении. Этот вопрос поднимается и в научных работах, посвященных исследованию украинской трудовой миграции [Марков 2009; Майданик 2010; Ruble 2008]. На него обращают внимание и российские социологи [Шалин 2012]. В ряде случаев женщины не склонны делиться персональными данными, сообщать информацию о своем возрасте, а иногда даже о характере работы. Так, на вопрос о возрасте некоторые информантки давали ответ в расплывчатой или описательной форме, не желая заострять на нем внимание, а на вопрос о характере работы за рубежом, одна информантка ответила так:

«Нам хозяин сказал, что когда нам такие вопросы задают, ну, когда кто-то спрашивает, где мы работаем, чем мы занимаемся, нужно отвечать, что это конфиденциальная информация. Вообще-то, скажем так, это работа в сфере услуг.» (Анастасия, 38 лет, Ницца, Франция).

На мой взгляд, в подобных ситуациях следует согласиться с тем, что информант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий или фактов своей биографии, если это не затрагивает чести и достоинства других людей [Алексеев 2012: 19].

Несмотря на то, что данное полевое исследование проводилось в основном в малых городах Украины с высоким уровнем внешней экономической миграции, задача отбора респондентов для исследования оказалась серьезной проблемой. Те члены транснациональных семей мигрантов, которые согласились дать интервью, были в основном представителями наиболее благополучных домохозяйств, которые явно выиграли от «миграционности» [Абашиш 2012] их мобильных членов и смогли избежать ее отрицательных последствий благодаря сильным родственным связям между их членами, высокой степени семейной синергии, традициям взаимовыручки и поддержки, атмосфере «семейственности» в отношениях. Поэтому эти информанты были готовы делиться своими «историями успеха» с интервьюерами. В то же время значительная часть потенциальных респондентов для нашего опроса оказались труднодоступными или даже недоступными для исследовательской группы. В основном это были трудовые мигранты или члены их транснациональных семей, имеющие негативный опыт зарубежных заработков и представляющие весьма солидную до-

лю представителей целевой группы исследования. По причине негативного или травматичного опыта трудовой миграции они не пожелали участвовать в интервьюировании.

Так, один из ассистентов проекта, проводивший опрос в районном центре Тернопольской области, имеющей наиболее высокий уровень миграционного оттока, обратился с просьбой о помощи в рекрутировании информантов для проекта к завучу местной школы, которая предоставила ему список родителей детей, происходивших из семей трудовых мигрантов. Из этого списка, состоявшего из около 30 фамилий, более 15 отсеялось сразу, поскольку по мнению завуча, они были ненадежными информантами, с которыми с ее слов «не о чем разговаривать». Эта характеристика относилась в основном к мужьям женщин-мигранток, оставшимися дома «на хозяйстве». Эти мужчины не смогли найти себя в новых экономических условиях, не сумели приобрести навыков, необходимых для успешной интеграции в рыночные отношения и не справились с ролью менеджеров домохозяйства на период отсутствия их жен. Из оставшихся 10-15 человек удалось связаться лишь с 4, так как остальные были недосаждаемы, будучи заняты работой по домохозяйству, на приусадебных участках, огородах и т.д. Их этих 4 лиц лишь одна женщина согласилась дать интервью, в то время как трое от общения отказались, мотивируя это нежеланием общаться на тему трудовой миграции.

Проблема доступности информантов особенно остро стоит в странах трудоустройства мигрантов, прежде всего, потому, что многие из них проживают за рубежом нелегально. В случае опроса женской аудитории проблемой является то, что многие заробитчанки работают за рубежом в частном пространстве домохозяйств и проживают в семьях работодателей. Личное время у них крайне ограничено, а иногда вообще отсутствует. В силу этих обстоятельств они большую часть времени проводят на рабочем месте и редко оказываются за его пределами, особенно на начальном этапе миграционного цикла, когда у них еще не наработаны неформальные социальные сети (см. подробнее [Толстокорова 2013]). Упомянутый выше метод «снежного кома», широко распространенный в отборе респондентов для изучения миграции, по отношению к этой группе информантов оказывается малоэффективным, что существенно осложняет поиск респондентов для исследовательской группы. Причем это относится к поиску информанток не только за рубежом, но и в Украине, поскольку женщины весьма осторожны и избирательны в выборе тех, кому они могут доверить свои интимные переживания. Так, после интервью с одной информанткой я попросила ее дать контакты ее знакомых, имеющих опыт работы за рубежом, и она порекомендовала свою соседку:

«Я вас сведу со своей соседкой. Она как раз приехала домой на побывку из Италии. Достала уже всех своими рассказами. Часами может рассказывать. Как ни встречу ее, так и не могу отделиться, даже на работу из-за нее отпадывала. Дома у себя она уже всем тоже надоела. У всех свои дела, времени мало, а ей хочется с кем-то поделиться. Вот вам пусть и выговорится. И ей, и нам полегло. Я скажу ей, что вам нужны люди, которые там работали, договорюсь о встрече. Перезвоните мне через пару дней.» (Лидия, 48 лет, Херсонская область).

Однако, созвонившись с ней, я узнала, что женщина категорически отказалась дать интервью, поскольку опасалась делиться сокровенными переживаниями с незнакомым человеком даже, несмотря на то, что меня рекомендовала давняя знакомая из ее «круга доверия».

Учитывая фактор труднодоступности информантов, нами активно применялся метод «пеших интервью», или «интервью на ходу» по принципу «walking and talking»⁴ [Anderson, 2004; Ingold, Lee 2008; Carpiano 2009], используя спонтанные возможности побеседовать с респондентами, встречая их, например, в аэро-

⁴ В данном случае и пользовалась лишь мобильная форма проведения интервью, не сфокусированная на анализе его пространственного контекста как в классическом «пешем интервью».

портах, в очередях в визовые отделения посольств, магазинах и супермаркетах, общественном транспорте и других, порой самых неожиданных, местах. О применении подобной методики пишут израильские исследователи гендерных аспектов миграции: «Иногда беседы возникали спонтанно, поэтому у нас вошло в привычку не покидать дом без портативного магнитофона. Местом беседы могли быть как учреждения, так и квартиры, парки, пляжи» [Фиалкова 2005: 21]. Ее использовали и московские миграциологи [Калабихина 2013].

Полевое исследование проблем трудовой миграции может содержать еще один методологический вызов, связанный со щекотливой темой финансовых аспектов зарубежных заработков. Этот деликатный вопрос имеет непосредственное отношение к проблеме конфиденциальности и анонимности получаемой от респондентов персональной информации. Из-за опасений возможного нарушения этих принципов информанты могут избегать общения с исследователями, или же отказываться обсуждать с ними финансовые вопросы, которые в исследовании феномена трудовой миграции имеют особое значение, поскольку, как правило, являются побудительной силой миграции и основным критерием успешности миграционного опыта.

Таким образом, основной методологической проблемой в работе с трудовыми мигрантами и членами транснациональных домохозяйств является то, что при отборе информантов для интервью методом «снежного кома», в силу «закрытости» этой группы респондентов и высокой степени социальной запрограммированности на положительный опыт, выборка может носить однобокий характер, представляя преимущественно позитивный опыт зарубежных заработков, и не содержать информации о тех категориях мигрантов, которые имеют неблагоприятный опыт работы за границей.

Следует учитывать, что этика полевой работы — это не столько кодекс, сколько процесс и высокое качество социального исследования определяется уважением к этическим принципам [Malkki 2007]. На это обращает внимание В. Воронков [2004], подчеркивая, что людей, с которыми исследователь имеет дело, нужно уважать и не рассматривать их лишь как источник данных, используя властную позицию интервьюера. К примеру, невозможно полностью преодолеть асимметричный характер отношений между исследователем и исследуемым, но необходимо осознать и принимать этот фактор во внимание, реагируя на него критически и стараясь по возможности нивелировать его проявление в своем поведении, демонстрируя уважение к собеседникам.

В полевой работе с мигрантами следует иметь в виду, что особенностью исследования «сензитивных субъектов» является необходимость сочетания высоких стандартов исследовательской этики с такими качествами, как альтруизм, сочувствие и доброжелательность [Duvell et al. 2008], поскольку информанты, находящиеся в уязвимом социальном положении, например, нелегальные мигранты, во время интервью могут сталкиваться с необходимостью делиться болезненными переживаниями и опытом, которые могут стать причиной нежелания посвящать посторонних лиц в сферу личной жизни. Следует помнить, что исследователь не является чистым наблюдателем, а вступает с людьми, жизненный мир которых он исследует, в коммуникативный контакт, без которого невозможно понять смысл действий, наблюдаемых социологом [Воронков 2004]. В связи с этим важным требованием к исполнителям полевого исследования является щепетильность в использовании фактов биографического характера, в частности, необходимость соблюдения принципа анонимности в подаче информации об интервьюируемых, например, в форме изменения или сокращенного указания настоящих имен респондентов, избе-

гания точного указания названий населенных пунктов или дат сбора интервью⁵, если информация собиралась в малых городах и селах и т.д.

При проведении невключенного наблюдения следует принимать во внимание то, что оно предполагает изучение ситуации исследователем со стороны, когда он/а не участвует в жизни исследуемого объекта и не вступает в прямые контакты с членами группы. И то, и другое наблюдение может производиться как явно, открыто, так и неявно, инкогнито. В связи с последним могут возникнуть определенные деликатные проблемы морального плана. В частности, такое наблюдение может рассматриваться как несанкционированное посягательство на персональное пространство объектов исследования, подглядывание и даже шпионаж. Все зависит от того, каким целям оно подчинено и как ведет себя исследователь. Возможно, следует открыто объяснять информантам свою роль как научного работника, чтобы избежать эксцессов, связанных с настороженным отношением к чужаку, без приглашения вторгающегося в чужое интимное пространство.

Общение с украинскими исследователями трудовой миграции, сталкивавшихся с проблемой труднодоступности информантов, показывает, что в решении данной проблемы полезным может стать сотрудничество с официальными организациями, имеющими доступ к данной целевой группе. Например, с неправительственными организациями, государственными социальными службами, школьными администрациями и отделами образования и т.д. Особое значение следует уделить церкви, которая становится для украинцев «тихой гаванью», где во время работы на чужбине можно найти помощь, совет, поддержку, нужную информацию, возможность неформально общения с земляками и даже временный приют в критической ситуации.

Проблема сбора информации в странах трудоустройства: состав исследовательской команды и личности интервьюеров

Особую категорию полевых исследований миграции составляет опрос респондентов, проводимый в странах трудоустройства, т.е. за рубежом. Помимо уже выделенной выше проблемы закрытости и малодоступности потенциальных респондентов, усиливающихся в стране пребывания, перед нами вставали некоторые этические проблемы аксиологического порядка, уже поднимавшиеся ранее [Tolstokorova 2010: 186-187]. Не секрет, что любое полевое исследование, особенно исследование «сензитивных субъектов», требует не только существенных временных и организационных ресурсов, но и значительного материально-финансового обеспечения. В силу ограниченных отечественных возможностей для финансирования подобного рода исследований и мне, и другим украинским исследователям в ряде случаев приходилось прибегать к возможностям, предоставляемым зарубежными исследовательскими группами и проектами, нацеленными на исследование украинской миграции. Более высокий уровень материального и технического обеспечения способствует более благоприятным условиям и возможности для полевого исследования за пределами Украины. Однако, участие в исследовании представителей принимающей или даже третьей стороны может создавать специфические вызовы совместной полевой работе. То, что представители одной культуры со свойственной им системой ценностей пытаются концептуализировать опыт другой культуры и иного аксиологического контекста содержит в себе потенциальную проблему в силу вышеупомянутого «эффекта Пигмалиона», подразумевающего влияние личности исследователя на результаты эксперимента и/или их интерпретацию. Так, некоторые нюансы культурно-обусловленных значений и коннотаций могут попросту ускользнуть от внимания инокультурных

⁵ На это, в частности, указывали рецензенты моих публикаций в международных изданиях, в которых освещались результаты данного проекта.

исследователей, некорректно или неадекватно ими интерпретироваться. К примеру, такие понятия, как близость в отношениях, дружба, родственные и семейные узы, имеют разные импликации для представителей западной цивилизации с ее индивидуалистической этикой с одной стороны, и для восточно-европейцев с нашей коллективистской культурной традицией, с другой стороны. Так, во время глубинных интервью с экспертами, которые проводились в Киеве и во Львове совместно с коллегами из CeSPI (аспирантами и ассистентами британских вузов), большинство информантов с горечью обращали особое внимание на деструктивный эффект трудовой миграции для института семьи. Но зарубежные интервьюеры то и дело перебивали их словами: «Только не надо говорить о том, что распадается семья и бла-бла-бла, мы все это уже не раз слышали. Давайте поговорим о другом...». В таких случаях, на мой взгляд, отечественным исследователям следует тактично обращать внимание иностранцев на то, что мнение информантов, даже если оно расходится с мнением интервьюеров, не может игнорироваться, и в любом случае следует четко придерживаться целей и задач интервью. Здесь нельзя не согласиться с замечанием, что в интервью все сказанное респондентом может восприниматься как очевидное, но, тем не менее, «не грех записать и очевидное» [Алексеев 2011: 24].

Помимо этого, неравенство в отношениях между инокультурными интервьюерами и украинскими респондентами усугубляется тем, что первые воспринимаются последними не только как «иностранцы» и «чужаки», но еще и как представители стороны работодателя, т.е. эксплуатирующей стороны. Здесь также возникают методологические нюансы, связанные с вопросами степени близости в отношениях между сторонами исследовательского процесса. Результатом социального и эмоционального дистанцирования могут стать попытки информантов утаить некоторые деликатные моменты своего миграционного опыта. Так, большинство женщин, работавших в Италии, указывали, что сталкивались с сексуальными домогательствами своих хозяев и практически все отзывались об итальянцах обоего пола как о людях, неразборчивых и нечистоплотных в интимных отношениях. Но при этом некоторые из них в общении со мной отмечали, что когда им приходилось делиться своим опытом с итальянскими исследователями, они не стали посвящать их в негативные аттитудные модели по отношению к принимающей стороне.

Также существует возможность «ментального диссонанса» зарубежных исследователей с изучаемым обществом. Он может заключаться в непонимании и/или неадекватной интерпретации иностранцами реалий изучаемого общества и основываться на распространенных стереотипах. Так, в западной гендерной миграциологии существует представление о том, что отсылающие общества страдают стигматизацией матерей-мигранток за то, что уезжая на заработки, они оставляют на родине детей и стариков, иногда совсем без присмотра [Vianello 2011; Kindler 2012; Solari 2014]. Ни мое исследование украинской женской миграции, ни обзор прессы по этой теме не подтверждают утверждений о негативном общественном мнении в отношении мигранток. Напротив, и данные интервью, и материалы СМИ свидетельствуют о понимании обществом того, что женщины-мигрантки фактически жертвуют собой ради своих семей и детей. Тем не менее, как следует из международных публикаций, зарубежные исследователи продолжают настаивать на «дискурсе стигматизации», в том числе в Украине, признавая при этом, что «дискурс стигматизации» удивительным образом сочетается с «дискурсом о национальных героинях» [Casalini 2012; Shmulyar Grien 2014]. Это парадоксальное признание объясняется непониманием иностранцами сути постсоветского дискурса о трудовой миграции. Она заключается в том, что осуждение миграции как процесса, означающего «плюс для экономики, но минус для общества» [Волянська 2005], не означает осуждения участников и участниц этого

процесса, которых нужда и неустроенность выталкивают из родных гнезд на поиски лучшей доли на чужбине.

Таким образом, очевидно, что для достижения максимально возможной объективности получаемых от респондентов данных крайне желательно, чтобы совместные исследовательские команды были сбалансированными с точки зрения гражданского состава интервьюеров.

Выводы

Данное исследование подтверждает наблюдение, что мягкие, интерпретативные методы сбора и анализа информации оказываются высокоэффективными в исследовании субъективного опыта миграции, выявлении нюансов значений и коннотаций и их оценок индивидами, сложно поддающихся квантификации [Christou 2004]. Также наш опыт изучения украинской трудовой миграции показал, что помимо технических и методологических вызовов полевых исследований [Каныгин 2007; Божков, Помигалов 2008] перед исполнителями нередко возникают этические и эмоциональные вызовы, которые могут осложнить процедуру исследования и повлиять на качество полученных данных. На наш взгляд, решению этой проблемы может служить использование в полевых исследованиях инновативных методов сбора информации, предоставляемых современными информационно-компьютерными технологиями. Например, в работе с мигрантами как «сензитивными субъектами» эффективными могут быть методы и техники анонимного общения, гарантирующие соблюдение принципа конфиденциальности в сборе данных и способствующие большей раскованности и открытости респондентов в подаче информации личного характера. К таким техникам можно отнести, например, проведение разнообразных видов интервью «методом ОБС» с использованием мобильной телефонии, электронной почты, программ ICQ и SKYPE, через форумы и блоги мигрантов, работающих в разных странах и т.д. Это позволяет не только обеспечивать большую открытость информантов благодаря их относительной анонимности, но и охватывать более широкий круг респондентов, включая проживающих за рубежом, не покидая рабочего места исследователя и с минимальными финансовыми затратами. Не следует также игнорировать и здравый совет исследователям позаботиться о том, чтобы во время интервью они находились в приемлемой физической, социальной, эмоциональной и психологической форме [Fontein 2013] с тем, чтобы вызывать доверие у информантов, без чего вряд ли можно рассчитывать на открытость и искренность с их стороны.

Литература:

- Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение, № 4, 2012. С. 3-13.
- Абашин С. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et contra, № 1-2 (62), 2014. С. 73-83.
- Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп, № 5 (89), 2011. С. 21-29.
- Алексеев А. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп, №3 (93), 2012. С. 18-19.
- Божков О.Б., Помигалов А.А. Заметки о технических проблемах полевых исследований // Социология: 4М, № 26, 2008. С. 176-189.
- Волянська Н. Плюс для економіки — мінус для суспільства // Газета ЗІК, 21.01.2005. <<http://zik.ua/ua/news/2005/01/21/7450>>
- Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир Неприкосновенный запас, 2004, № 3 (35). С. 233-26. <<http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/vor5.html>>
- Калабихина И. Результаты качественного исследования, выполненного в рамках научного семинара в магистратуре экономического факультета МГУ. Методология и основные результаты качественного исследования // Качественные исследования в экономике и демографии. Вып. 7. Иностранцы трудовые мигранты в России. М, 2013. С. 4-7.
- Каныгин Г. Инструментальные средства и методологические

принципы анализа качественных данных // Социология: 4М, № 25, 2007. С. 70-98.

Майданик І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи, 2010.

Моррисон К. Строители в России: мобильность, наём и стабильность рабочих мест постсоветских мигрантов-строителей // Вестник общественного мнения. Данные, анализ, дискуссии, № 1 (114), 2013. С. 89-99.

Толстокорова А.В. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры, № 1, 2012. С. 198-226.

Толстокорова А. Транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал, № 3, 2013 а. С. 40-62.

Толстокорова А. И сто друзей, и сто рублей: роль самоорганизации и социальных сетей в социальной включенности украинских «заробитчанок» // Журнал социологии и социальной антропологии, том XIV, № 1 (66), 2013 б. С. 167-181.

Толстокорова А. О бедном мигранте замолвите слово...: Модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции // Диаспоры, № 2, 2014. С. 178-197.

Фиалкова Л. Опыт адаптации в устных рассказах «русских» изрательства // Диаспоры, № 1, 2005. С. 19-47.

Шалин Д. Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью // Телескоп, №3 (93), 2012. С. 8-17.

Anderson J. Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge // Area, vol. 36, issue 3, 2004. P. 254-261.

Büscher M, Urry J. Mobile Methods and the Empirical // European Journal of Social Theory, vol. 12, №. 1, 2009. P. 99-116.

Carpiano R. M. Come take a walk with me: The «Go-Along» interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being // Health & Place, vol. 15, issue 1, 2009. P. 263-272.

Casalini B. Justice and the Family in a Transnational Perspective // Papers delivered at the Conference «Ethics and Migration», 49th Societas Ethica Annual Conference, Lucian Blaga University, Sibiu, Romania, August 23-26, 2012. P. 57-70.

Christou A. Reconceptualizing Networks through Greek-American Return Migration: Constructing Identities, Negotiating the Ethnos and Mapping Diasporas — Theoretical Challenges Regarding Empirical Contributions // Spaces of Identity, vol. 4, № 3, 2004. P. 53-70.

Corbin, J., Strauss A. Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2008.

Cvajner M. Hyper-feminity as decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // Ethnography, vol. 12, No 3, 2011. P. 356-374.

DeRoche C. «I Learned Things Today That I Never Knew Before»: Oral History at the Kitchen Table // Oral History Review, № 23 (2), 1996. С. 45-61.

Donato K.M., Gabaccia D., Holdaway J., Manalansan M., Pessar P.R. Glass Half Full? Gender in Migration Studies // International Migration Review, № 1, 2006. P. 3-26.

Duvel F, Triandafyllidou A., Vollmer B. Ethical issues in irregular migration research. CLANDESTINO, 2008.

Fontein J. Chapter 4. Doing Research: Anthropology and Ethnographic fieldwork // Doing Anthropological Research. A practical guide /N. Konopinski (Ed.) London: Routledge, 2013.

Ingold T., Lee J. Ways of walking: Ethnography and practice on foot. Burlington: Ashgate, 2008.

Kindler M. A Risky Business? Ukrainian Migrant Women in Warsaw's Domestic Work Sector. IMISCOE Dissertation Series, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012.

Kusenbach M., Lan P. Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan. Durham & London: Duke UP, 2006.

Malkki L.H. Tradition and Improvisation in Ethnographic Field Research // Improvising Theory: Process and Temporality in Ethnographic Fieldwork / A. Cérwonka, L.H. Malkki (Eds.) Chicago: University of Chicago Press, 2007.

Ruble B.A. Establishing a New Right to the Ukrainian City. Kyiv: Kennan Institute, 2008.

Phizacklea A. Gender Actors in Migration // Gender and Ethnicity in Contemporary Europe / J. Andall (Ed.), Oxford: Berg, 2003.

Sánchez-Carretero C. Motherhood from Afar: Channels of Communication among Dominican Women in Madrid // A European Journal of International Migration, № 43-45, 2005. P. 145-63.

Shmulyar Grïen O. Labour migration in the enlarged Europe: children left behind in Central and East Europe. Centre for Baltic Sea Region and Eastern European Studies (CBES). CBES Annual Conference «Baltic Sea Region and Eastern Europe: A new generation on the move». December 4-5, 2014.

Solari C. «Prostitutes» and «Defectors»: How the Ukrainian State Constructs Women Emigrants to Italy and the USA // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 40, Issue 11, 2014. P. 1817-1835.

Tolstokorova A. Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précoces en Europe, № 12, 2009. <http://urmis.revues.org/index868.html>

Tolstokorova A. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // The Anthropology of East Europe Review (AEER). Special issue «Gender in Postsocialist Eastern Europe and the former Soviet Union», vol. 28, № 1, 2010. P. 184-214.

Tolstokorova A. One Way Ticket?: International Labour Mobility of Ukrainian Women // New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences. S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring (Eds.) Burlington: Ashgate Publishing Ltd, 2013. P. 99-108.

Tyldum G. Motherhood, Agency and Sacrifice in Narratives on Female Migration for Care Work // Sociology, vol. 49, № 1, 2015. P. 56-71.

Vianello F.A. Suspended migrants. Return migration to Ukraine // (Post)transformational Migration. Inequalities, Welfare State and Horizontal Mobility / M. Nowosielski, M. Nowak (Eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. P. 251-271.